

ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 069.42(470.23-25)

Н. И. Тарасова

ЛИВРЕЙНЫЙ КОСТЮМ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА: ИЗ ОПЫТА АТРИБУЦИОННОЙ РАБОТЫ

Одной из актуальнейших проблем практической музейной работы является атрибуция костюма*. Основные задачи изучения костюма, как и любого другого музейного предмета, состоят в определении: а) самой вещи, б) материала, в) техники, г) мастерской или мастера, д) места изготовления; предположении его датировки, истории бытования, наконец, выявлении имени владельца костюма. Помимо решения первых задач, осуществляемого с помощью музейной документации и литературы, реставраторов тканей и экспертов в области химии, физики, биологии, значительные трудности вызывает установление имени человека, для которого когда-то создавался данный костюм.

В фондах Отдела истории русской культуры (ОИРК) Государственного Эрмитажа хранится уникальное собрание ливрейного костюма и аксессуаров. Его формирование началось после Октябрьской революции 1917 г., когда в распоряжение властей перешло имущество Зимнего дворца и других императорских и великокняжеских резиденций, а также содержимое «гардеробных» из национализированных дворцов российской знати. Часть «экспропрированного» была роздана представителям победившего класса, частью вещей в первые послереволюционные годы «платили» жалованье (особенно это касается форменных брюк)¹. Оставшаяся служительская одежда была сосредоточена на Складе Ливрейного платья. С 1918 по 1937 гг. массивные сундуки с этими костюмами несколько раз меняли свои адреса (Историко-Бытовой отдел при Русском музее, Музей революции, Музей Этнографии народов СССР), и только в 1941 г. они попали в Эрмитаж.

Изучение коллекции ливрейного костюма было невозможно до начала 1990-х гг. по идеологическим соображениям. Впервые единичные экспонаты коллекции были представлены на эпохальной выставке 1994 г. «Николай и Александра» в Эрмитаже, затем – в целом ряде успешных выставочных проектов за рубежом (США, Великобритания, Нидерланды, Швейцария).

* «Костюм» в данном случае понимается в широком смысле как одежда.

¹ Эти сведения любезно сообщил В. А. Федоров, заведующий Отделом истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Систематизация фонда ОИРК позволила выявить более 600 единиц хранения указанной коллекции. Некоторые вещи происходят из особняков Бобринских, Шереметевых, Шуваловых и Юсуповых, но самую значительную часть экспонатов составляют одежды служителей Императорского двора времен Александра III и Николая II. Предлагаемая статья, в основу которой положены не публиковавшиеся ранее архивные документы (главным образом из Российского Государственного Исторического архива (РГИА) и Архива Государственного Эрмитажа (Архив ГЭ)) и личные наблюдения автора, посвящена некоторым вопросам атрибуции формы придворнослужителей.

Сохранность большинства ливрейных костюмов из эрмитажной коллекции достойна удивления, тем более что ткани относятся к разряду хрупких музейных экспонатов. Следует подчеркнуть: в музей *изначально* поступили вещи в хорошем состоянии. Во-первых, это объясняется тем, что лакеи Высочайшего двора не могли находиться на службе в загрязненном или поношенном платье. Во-вторых, та форма, срок службы которой истек, или та, которую нельзя было привести в надлежащий вид, не хранилась в дворцовых кладовых.

Конечно, из-за нарушения температурно-влажностного режима хранения необратимые процессы оставили свой след в виде повреждений поверхности тканей и меха насекомыми, в виде затеков на лицевой поверхности костюмов или на подкладках, окислов на пуговицах и крючках. Часть вещей оказалась сильно деформированной из-за долгого пребывания в сундуках и чемоданах. Но в целом можно утверждать, что время «пощадило» скрытую на долгие годы лакейскую одежду: сукно не потеряло своей прочности и яркости; галуны, кокарды и аксельбанты – своего блеска и эффектной декоративности, все так же нарядно и торжественно выглядит на бархатном фоне изысканное золотое шитье.

Работа с любым музейным предметом начинается с его визуального изучения, и на этом этапе не может быть мелочей. Информацию о костюме и его владельце содержит не только марка ателье или магазина, старый инвентарный номер или штамп, но также любой след от иголки, потертость или загрязненность ткани, перешитая пуговица, содержимое карманов или полустертая надпись на подкладке. В карманах часто можно найти оторвавшиеся или отпоротые пуговицы, которые по каким-то причинам не были пришиты на место². Первое, на что сразу можно обратить внимание в служительской униформе, – это обилие штампов и надписей на подкладке рукавов или спинки. В коллекции ОИРК выявлены штампы следующих видов: «ЛКГЧ» (Ливрейная Кладовая Гофмаршальской Части), «СЛК» (Статс-Ливрейная Кладовая) с указанием года, «Построено» и «Исправлено» также с указанием года.

Предназначенные на все случаи придворной жизни форменные костюмы лакеев Высочайшего двора до 1918 г. хранились в Ливрейной кладовой, одной из семи подведом-

² В моей практике среди найденных в карманах вещей – форменный кушак, заботливо сложенный владельцем парадного костюма, камер-казаком императрицы Марии Федоровны, именной талон на питание в кухне для придворнослужителей (документ большой редкости!), горсть семечек в кармане шинели швейцара Зимнего дворца. А в одежде служителя Петровской галереи Императорского Эрмитажа – записка с именем и адресом некоей особы, жительницы Санкт-Петербурга.

ственных Гофмаршальской части больших кладовых Зимнего дворца. Помещения кладовой находились в разных частях главной императорской резиденции: в антресолях под Георгиевским залом, под Синей спальней и под Большим собором³. Одежда из сукна хранилась отдельно от зимних пальто, подбитых мехом, и меховых шапок. Работники Ливрейной кладовой занимались вопросами учета и хранения ливреи: выдавали и принимали форменную одежду и аксессуары, производили их мелкий ремонт и чистку, приобретали швейные принадлежности, заказывали новое оборудование, оценивали пригодность одежды для дальнейшего ношения и ликвидировали ветхие костюмы.

В царствование Александра II новая ливрея поступала в кладовую из нескольких мастерских. При Александре III и в последнее царствование изготовление ливрейной одежды было сосредоточено в руках фирмы «Лидваль и сыновья», основанной Иваном Петровичем Лидвалем. Изготовлением галунов и гербового басона занимался мастер Степанов, золотошвейные работы для ливрейного платья исполнялись в мастерской Владимира Залема-на. Головные уборы, обувь и другие аксессуары Гофмаршальская часть покупала у разных мастеров, «смотря по обстоятельствам заказа и сообразуясь с заявленными ими ценами»⁴. Поступившая одежда в первую очередь маркировалась штампом «Построено»; к подогнанной по фигуре (или перешитой по каким-то причинам) одежде добавлялся штамп «Исправлено». На парадной ливрее ставился штамп «СЛК», на всех других костюмах – штамп «ЛКГЧ».

Объем учетно-хранительской работы в кладовой был колоссальным, ведь по Штату, утвержденному в 1891 г., Высочайшему Двору полагалось иметь 430 служителей⁵. И пусть в 1902 г. придворных лакеев стало несколько меньше – 363 человека⁶, для каждого из них была предусмотрена форменная одежда следующих видов: парадная, воскресная, повседневная, траурная, выходная (то есть уличная, для выхода за пределы Зимнего дворца), вояжная и рабочая.

К примеру, полный комплект форменного платья одного гоф-фурьера включал 24 предмета одежды плюс 4 головных убора, шпагу с темляком и португеей, 12 галстуков, 6 пар белых замшевых перчаток, несколько пар чулок и обуви. Парадный костюм придворного арапа состоял из 16 предметов, а простой ежедневный костюм ламповщика из 8 предметов. Сейчас невозможно с точностью до сотни сказать, сколько всего единиц одежды, обуви и аксессуаров числилось в хранении Ливрейной кладовой. Однако приблизительные подсчеты, сделанные на основе архивных документов, показывают, что это число было не менее 25 000 единиц. При этом в Зимнем дворце не хранилось форменное платье служителей Аничкова и загородных императорских дворцов, Императорского Эрмитажа, Придворного Конюшенного ведомства, Придворной Певческой Капеллы.

³ Копии исторических планов Зимнего дворца хранятся в Отделе Главного архитектора Эрмитажа.

⁴ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 100. Л. 23 об.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 1609. Л. 19 а об.

⁶ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2021. Л. 42-48.

Необходимо подчеркнуть, что в хранилищах Зимнего дворца содержались одежды как для штатных придворнослужителей, так и для тех, кого нанимали для разовых работ (на балы, приемы, праздники). К примеру, 18 января 1894 г. в Николаевском зале Зимнего дворца проходил бал, по окончании которого был дан ужин на 2 200 персон. Для обслуживания гостей было нанято дополнительно 660 официантов, 67 поваров и чернорабочих на кухню, 27 помощников для пекарей и кондитеров, а также 133 женщины («комнатные и наемные») на разные подготовительные работы с 12 по 20 января⁷. Разумеется, всему временному обслуживающему персоналу была подготовлена и выдана из Ливрейной кладовой соответствующая форма.

Одежда для штатных придворнослужителей хранилась отдельно от одежды для временных работников, но в целях экономии места в кладовой и времени на выдачу костюмов повседневная, рабочая и выходная форма выдавалась придворнослужителям на дом. Те служители, которые бережно хранили свои платья, награждались денежной премией по усмотрению начальства, но так, чтобы она не превышала половину стоимости новой одежды.

Воскресное, парадное, вояжное и траурное платье находилось постоянно в Ливрейной кладовой и выдавалось придворнослужителям только на время службы или в случае необходимости. На такие одежды к полам несколькими стежками пришивалась записка с точным названием формы, фамилией того, кому она предназначалась и перечислением мерок, обязательных для пошива. Наличие многочисленных следов от иглолки на записках позволяет сделать предположение о том, что возможно, при выдаче ливреи из Ливрейной кладовой записку отпарывали и оставляли в кладовой до возвращения одежды, а затем снова нашивали на принятую от придворнослужителей форму⁸.

Подобных записок на ливрее из эрмитажного собрания сохранилось совсем немного, поэтому их ценность для атрибуционной работы очень высока. Они позволяют абсолютно точно называть тот или иной вид ливрейного платья, фиксировать имя человека, для которого платье было сшито, наконец, указанные мерки могут быть полезны для реконструкции служительской униформы или построения кроя нового костюма, что становится особенно актуально в связи с расширением сети высококлассных гостиниц в Санкт-Петербурге и других городах России.

Особую значимость в работе по изучению указанной коллекции имеют обнаруженные на ряде костюмов надписи. Портные Ливрейной кладовой, как оказалось, химическим карандашом подписывали на подкладках одежды штатных придворнослужителей их фамилии.

⁷ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 63. Л. 7 об.-8.

⁸ При подготовке костюма к выставке сотрудники Лаборатории научной реставрации тканей осторожно отделяют записку от костюма, расправляют ее, затем фиксируют на небольшом планшете из бескислотного картона и прикрепляют внутри костюма таким образом, чтобы записка не мешала зрительному восприятию вещи при экспонировании и в то же время не потерялась.

В результате обработки эрмитажной коллекции ливрейного платья выявлена 81 фамилия. Дальнейшие поиски сведений о владельцах костюмов были продолжены в архивах Москвы (Государственный Архив Российской Федерации) и Санкт-Петербурга (РГИА, Архив ГЭ, Центральный Государственный Архив Кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФДСПб)), последовали запросы в областные и краевые архивы Российской Федерации. Живейшее участие в поисках приняли коллеги, хранители эрмитажных коллекций живописи, графики, рисунка, фотографии. На мои просьбы откликнулись архивисты, историки, краеведы, сотрудники консульств, радио- и телекомпаний, простые люди, которые вспоминали удивительные подробности из жизни старого Петербурга. Все это постепенно складывалось в цельную картину жизни и быта большой группы людей – служителей Высочайшего двора, история которых до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения.

Итак, кафтаны, шинели, камзолы и бушлаты «заговорили»: за каждым из них стояла биография, судьба, жизнь конкретного человека, одного из тех, кто «обеспечивал» блеск Императорского двора в конце XIX – начале XX вв. На сегодня удалось найти биографические сведения о 76 придворнослужителях, чьи костюмы хранятся в нашем фонде, и выявить 54 фотографии.

Одним из первых был «открыт» мундир Тимофея Ксенофоновича Ящика, камер-казака императрицы Марии Федоровны, хотя не слишком разборчивая надпись «Ящикъ» на подкладке чекменя поначалу никак не ассоциировалась с фамилией. Более всего она была похожа на специальную пометку работника Ливрейной кладовой Зимнего дворца. Но вскоре сомнения исчезли: Т. К. Ящик (1878 – 1946) – кубанский казак, бывший ординарец Николая II, один из телохранителей вдовствующей императрицы, последовавший за ней в Данию, автор замечательных воспоминаний⁹.

Самой необычной группой служителей были придворные арапы. Выходцы из Африки, Азии и Европы, они попадали на службу ко двору российских императоров разными путями. Константин Евгеньевич Апти (1859 – после 1918), уроженец турецкой Смирны, был зачислен «в придворные арапы» благодаря рекомендации принца А. П. Ольденбургского, у которого прослужил 8 лет¹⁰. Абиссинцы Шанколь Бадаса и Улямо Маляко приехали в Россию вместе с секретарем Менелика II Ато-Иосифом и начальником Африканской экспедиции Императорского Географического общества Н. С. Леонтьевым в 1897 г. Молодые люди сопровождали в столицу присланных негусом в подарок Николаю II чистокровных скакунов¹¹. Все вакансии «арабов Высочайшего Двора» в это время были заняты, однако Управлению Гофмаршальской части было приказано зачислить Бадаса и Маляко на службу младшими арапами сверх штата.

⁹ Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004. Второе издание книги, исправленное и дополненное, вышло в свет в 2007 г.

¹⁰ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2080. Л. 121 об.

¹¹ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 162. Л. 12 об., 41.

Уроженец островов Зеленого Мыса, подданный Португалии Жорж Мариа (1858 – 1912), в поисках счастья приехал в Россию в 1878 г. и после принятия православия и нового подданства поступил на службу к Высочайшему двору по вольному найму¹².

Георгий Николаевич до конца жизни честно исполнял свои обязанности при Дворе, был удостоен многих наград, незадолго до смерти получил звание потомственного почетного гражданина. Он и его супруга, Екатерина Мариа (в девичестве Лапшина) вместе с девятью детьми занимали казенную квартиру в доме на ул. Сергиевской (ныне ул. Чайковского, дом 2/7). После октября 1917 г. дети придворного арапа, теперь уже граждане Советской Республики, разделили судьбу новой России. Сыновья работали на заводах, а в 1941 г. взяли в руки оружие, чтобы защитить родной Ленинград. Георгию Георгиевичу Мариа довелось встретить победную весну 1945 г.; Николай Георгиевич, морской пехотинец, погиб в 1943 г. под Сеньвином. Его дочь, Екатерина Николаевна Мариа, выжила в блокадном городе, в возрасте 10 лет была награждена медалью «За оборону Ленинграда», после войны получила образование фармацевта и в течение 55 лет работала в Химико-фармацевтическом институте. Дело матери продолжила дочь Екатерины Николаевны, Наталия Анисимова, доцент Химико-фармацевтической академии в Санкт-Петербурге. В семье потомков «арапа Высочайшего двора» Георгия Мариа подрастает уже шестое поколение жителей Северной столицы.

Уже первые результаты недавно начатого исследования коллекции ливрейных костюмов оказались востребованными архивистами и музейными работниками – хранителями живописи, рисунка, фотографии, произведений декоративно-прикладного искусства. Удалось атрибутировать целый ряд фотографий в ЦГАКФФДСПб, на очереди – фотографии из коллекции Эрмитажа.

Перспективной представляется развернувшаяся работа с собранием рисунков и акварелей М. Зичи, придворного художника, в обязанности которого входило составление подробной хроники жизни Императорского Двора. М. Зичи оставил большое художественное наследие, где предметом тщательного изображения стали как события государственного значения (коронации, церемонии бракосочетания, крещения, приезды коронованных особ, приемы послов, военные смотры и парады), так и развлечения членов императорской фамилии и близких к ней лиц (спектакли, костюмированные балы, игры в шарады, царские охоты)¹³. Среди тех, кого изображал М. Зичи, немало служителей Императорского Двора. И в этом случае произведения художника, с документальной точностью фиксировавшего события, являются не только объектом изучения, но и источником ценнейших сведений по истории придворного быта и костюма.

Изучение рисунков и акварелей мастера позволяет судить о том, как выглядел тот или иной вид ливрейной одежды (особенно в тех случаях, когда не обнаружены архивные источники и нет опубликованных документов по регламентации придворной униформы),

¹² РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2078. Л. 81 об.

¹³ См.: Кантор-Гуковская А. С., Принцева Г. А. При Дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2005.

каковы, в некоторых ситуациях, были обязанности служителей Высочайшего Двора. Наконец, большую ценность имеет портретное сходство изображенных. Сохранилось значительное количество карандашных натуральных зарисовок и целая галерея портретных рисунков М. Зичи, которые он использовал в дальнейшем при завершении больших многофигурных композиций, и на которых он подписывал имена и должности персонажей.

В этом смысле показательна его акварель 1883 г. «Торжественный обед в Грановитой палате» из собрания Государственного Эрмитажа (Инв. № ОР-27464)¹⁴. Акварель предназначалась для праздничного альбома, посвященного коронации императора Александра III. Изображено событие 15 мая 1883 г., когда в Грановитой палате Московского Кремля состоялся церемониальный обед по случаю коронации российского монарха. В глубине акварели, на фоне окна можно рассмотреть лицо сидящего императора и его супруги. За ними – фигура придворного арапа в чалме. Любопытно, но эта деталь подтверждает семейную легенду, рассказанную мне Е. Н. Мариа, о том, что ее дед «стоял за тронем императора». Датировка акварели и данные послужного списка придворного арапа Г. Н. Мариа совпадают; вполне возможно, именно он изображен на акварели М. Зичи.

Как ни странно, первый план листа художник заполнил не именитыми персонами, а придворными служителями; рядом с одним из официантов, в левой части акварели, М. Зичи изобразил себя. В нижнем, свободном от рисунка поле художник написал карандашом имена некоторых лиц. В центре акварели – фигура одетого в зеленый, расшитый золотыми гербовыми галунами кафтан лакея первого разряда. В полустертой надписи удалось прочитать: «Сырупа». Обращение к коллекции ливрейных костюмов позволяет уточнить и дополнить информацию: это Аким Матвеевич Цырупа (1848 – 1905), отставной унтер-офицер Лейб-гвардии I Артиллерийской бригады, прослуживший при Дворе 25 лет¹⁵.

У окна за камер-пажами стоит служитель с характерными бакенбардами в красном кафтане, белом жилете и белых штанах-кюлотах. Написанная М. Зичи фамилия «Михайлов» – одна из самых распространенных среди обслуживающего Двор персонала. При внимательном рассмотрении у левого бедра служителя видна церемониальная шпага; если так, то сомнений нет – перед нами не простой лакей, а гоф-фурьер Максим Михайлович Михайлов (1838 – ? после 1918), бывший крестьянин Тверской губернии, поступивший на службу при Дворе в 1878 г., прошедший путь по служебной лестнице от лакея при «малом» дворе наследника Александра Александровича до камер-фурьера Высочайшего Двора и уволенный в январе 1918 г. «за упразднением Гофмаршальской части»¹⁶. В нашей коллекции хранится фрак М. М. Михайлова, а в фондах РГИА обнаружена его фотография 1910-х гг.

Сохранившиеся в фондах Государственного Эрмитажа ливрейные костюмы представляют большую историко-культурную ценность, их изучение открывает неизвестный пласт в жизни Русского Двора и Зимнего дворца как главной императорской резиденции. И

¹⁴ Там же. С. 95

¹⁵ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2082. Л. 69 об.-70.

¹⁶ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2084. Л. 7 об.-8, 13 об.-14.

как тут не вспомнить пророческие слова А. Н. Бенуа, который вскоре после Февральской революции 1917 г. обратился с письмом к комиссару Временного Правительства над бывшим Министерством Императорского Двора Федору Александровичу Головину, в котором говорилось: «Особое совещание по делам искусств признало желательным, чтобы для будущего исторического музея были сохранены типы форменного одеяния прислуги Дворцового ведомства и Гофмаршальской Части. Ввиду сего Особое совещание поручило просить Вас, не признаете ли вы, Милостивый государь, возможным сделать распоряжение, чтобы типы означенных костюмов были сохранены для помещения в указанном музее»¹⁷.

¹⁷ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2027. Л. 7.